

УДК 94 (47). 081

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ БЮРОКРАТИИ (конец 1830-х – 1840-е годы)

Е. Н. Морозова

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, morozovaen@mail.ru

В статье анализируются пути формирования нового поколения реформаторов. Особое место уделяется семейному воспитанию, особенностям гуманистического и гуманитарного образования в учебных заведениях, участию в интеллектуальной жизни Москвы и Петербурга (литературных и политических салонах и кружках), роли самообразования в жизни «людей сороковых годов». Исследуется процесс перехода от накопления теоретических знаний в сфере организации власти к участию в законодательном процессе, в практической работе по реализации законоположений, что дало молодым реформаторам тот опыт, который был ими использован при подготовке и проведении Великих реформ.

Ключевые слова: новое поколение реформаторов, литературные и политические салоны и кружки, Н. А. Милютин, Д. А. Милютин, Ю. Ф. Самарин, П. А. Валуев.

Ways of Formation of a new Generation of Liberal Bureaucracy (the Late 1830s–the 1840s)

E. N. Morozova

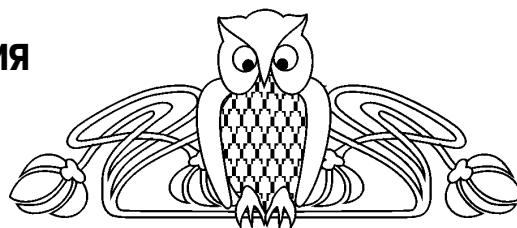
Elena N. Morozova, ORCID 0000-0003-4420-8156, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, morozovaen@mail.ru

The paper considers the ways of the new generation of reformers' formation. Special attention is paid to family upbringing, peculiarities of humanitarian and humanistic education in educational institutions, participation in Moscow and St.-Petersburg intellectual life (literary salons and political groups), the role of self-education in the life of «people of the forties». The author investigates the process of transition from accumulation of theoretical knowledge in the sphere of organization of political power to the participation in the legislative process and practical work over realization of the legal provisions that gave the young reformers the experience which was later used in the preparation and realization of the Great Reforms.

Key words: new generation of reformers, literary salons and political groups, N. A. Milyutin, D. A. Millyutin, Yu. F. Samarin, P. A. Valuev.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-433-440

В эпоху царствования Николая I подспудно зрели те силы, которые позже назовут «поколением молодых реформаторов». Этот процесс был замечен и современниками. К. Д. Кавелин, создавая обобщенный портрет «людей сороковых годов», неоднократно употреблял слово «пробуждение», характеризуя умственную жизнь этого периода¹. Известный мемуарист и памфлетист П. В. Долго-

рукий замечал в своей записке «О внутреннем состоянии России»: «В России появилась целая плеяда людей, образованных и благонамеренных, которые преданы Государю и Отечеству», стремящихся во имя блага последнего провести целый ряд преобразований².

Западное россиеведение уже 1970-х гг. (много раньше, чем отечественные историки) обратилось к исследованию проблем, связанных с возникновением нового поколения российских реформаторов³. Они пришли к выводу, что в конце 1830–1840-х гг. «появилась плеяда высокообразованных молодых чиновников», «просвещенных бюрократов», привнесших новые элементы в традиционную бюрократическую элиту⁴.

Формирование либеральной (просвещенной) бюрократии являет собой сложный процесс, который можно рассматривать только с использованием полидисциплинарных методов (исторической психологии, теории и истории культуры). В частности, культурологи утверждают, что перемены в общественно-политической и экономической жизни тесно связаны с темпами и содержанием национального сознания. Начало реформаторской деятельности в культурно-общественном измерении создает трудно уловимую, с трудом поддающуюся историко-научной реконструкции, но мощную историческую субстанцию, именуемую «духом времени», который представляет собой психологическое состояние общества⁵. Исследователи могут уловить его чаще всего в источниках личного происхождения.

Безусловно, дневники, мемуары, письма дают возможность ощутить «предгрозовую атмосферу», предшествующую реформам, проследить по крупным или скупым ремаркам пути формирования нового поколения бюрократической элиты, которая пыталась осмыслить судьбы России и ее место в европейской цивилизации. Однако вопрос об истоках формирования нового поколения реформаторов требует своего дальнейшего изучения.

Общеизвестно, что Великие реформы Александра II готовились и проводились людьми, исповедующими различные общественно-политические взгляды (Н. А. и Д. А. Милютины, Ю. Ф. Самарин, кн. В. А. Черкасский, П. А. Валуев и др.) Это была молодежь, рожденная после проведения комплекса реформ Александра I и «грозы двенадцатого года». Реформы, проведенные Александром и его «Негласным комитетом», имели долговременное значение для развития

страны. Распространение просвещения, превращение университетов в центры развития научного знания создавали предпосылки для изменения мировоззрения молодого поколения образованной части общества⁶. С этим выводом Н. А. Проскуряковой нельзя не согласиться, но, на мой взгляд, основы их миропонимания и мирочувствия были заложены в семье.

Безусловно, семья является той микросредой, где, по утверждению социологов, происходит начальный этап социализации личности. Нравственный облик родителей, традиции и обычаи семьи навсегда накладывают свой отпечаток на всю дальнейшую жизнь человека. Родители, по свидетельству Н. А. Милютинина, имели на них самое благотворное влияние⁷. Добрая и мягкая Елизавета Дмитриевна Милютинина (сестра известного реформатора П. Д. Киселева) пыталась научить своих детей тому, что знала сама. Друзья Милютинина впоследствии утверждали, что сыновья в семье Милютининых получили прекрасное домашнее образование. Однако сам Дмитрий Милютин в своих воспоминаниях утверждал, что репетиторы у них были весьма заурядные⁸. Да и разорившаяся (некогда богатая семья Милютининых) не могла позволить нанять хороших учителей своим детям. Б. Линкольн пытается найти ранние истоки формирования мировоззрения будущего автора земской и крестьянской реформ, указывая, что в восьмилетнем возрасте Н. Милютин прочел «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и открыл для себя глубокое понимание истории России и ее потенциального величия⁹. Дмитрий Милютин более реалистично оценивает этот сюжет: прочтение «Истории» Карамзина, дало им с братом «громкую пользу не столько потому, что с детского возраста мы ознакомились с историей нашего отечества», «сколько в отношении к языку и слогу»¹⁰. Вскоре финансовые трудности вынудили А. М. Милютинина продать родовое имение и переехать с семьей в Москву¹¹.

В отличие от «новых дворян» Милютининых¹², Ю. Ф. Самарин принадлежал к верхам российской аристократии. Его семья, обладающая огромными богатствами, была связана родственными узами с Оболенскими, Гагариными, Мещерскими¹³. Отец Самарина, Федор Васильевич, покинул Петербург, переехал в Москву, оставив высокую должность шталмейстера императрицы, для того чтобы полностью отдаться воспитанию детей.

Обладая широчайшим кругозором, собрав огромную библиотеку, Федор Васильевич стремился дать своим детям классическое образование, где основную роль играли гуманитарные науки. По словам самого Юрия Федоровича, «*studia humaniora* является основой всякого человеческого знания»¹⁴. Однокурсник Ю. Ф. Самарина писал о таком феномене в зажиточных дворянских московских семьях, как правильно устроенные домашние школы, тяготевшие к Московскому университету Ф. И. Буслаев отмечал, что такая

домашняя школа, «примерная и образцовая», с привлечением профессоров Московского университета (среди которых был и будущий известный литератор Н. И. Надеждин), «процветала в семье Федора Васильевича Самарина. Это домашнее учебное заведение оставило по себе самые светлые из моих воспоминаний в старинной Москве... Отец семейства с сердечным рвением, а вместе и с неукоснительной точностью и примерным благоразумием исполнял обязанности директора и инспектора своей родной школы»¹⁵.

Домашнее образование, полученное в семье, закладывало основы любви к изящной словесности, давало знание языков, прививало любовь, как к западноевропейской, так и отечественной культуре, формировало морально-нравственные ценности.

Блестящее домашнее образование получил и П. А. Валуев, принадлежавший к высшему петербургскому аристократическому обществу (его отец – камергер высочайшего двора, мать – урожденная Е. Ф. фон дер Бринкен). Именно это образование позволило ему выдержать экзамен на чин при Московском университете (1832 г.)¹⁶.

В условиях «консервативной модернизации» николаевской эпохи сделать карьеру на государственном поприще возможно было лишь с получением высшего образования. С помощью П. Д. Киселева родители братьев Милютининых определили их в Московский благородный пансион¹⁷, который по своему уровню был сравним с Царскосельским лицеем¹⁸. Особенность обучения в этом учебном заведении состояла в том, что оно стремилось не только дать всестороннее образование, но и оказать влияние на формирование личности, ее гуманистических качеств, воспитать гражданственность и любовь к Отечеству. Об этом свидетельствуют цели, поставленные при организации этого учебного заведения: «1) научить детей, или просветить их разум полезными знаниями и чрез то приуготовить их нужными быть членами общества; 2) вкоренить в сердце их благонравие и чрез то сделать из них истинно полезных, то есть честных и благодетельных сограждан; 3) сохранить их здоровье и доставить им возможную кротость, столь нужную к понесению общественных трудов, к должному отправлению с успехом государственной службы»¹⁹.

Московские профессора (М. П. Павлов, А. Ф. Мерзляков и др.), преподававшие в пансионе, в большинстве своем являлись сторонниками развивающего обучения, которое не только пополняло «багаж» знаний учащегося, но и заставляло думать, осмысливая новейшие течения в литературе, философии, истории. Пансионеров учили критически подходить к оценке литературных произведений, явлений, событий. В пансионе существовало Общество любителей русской словесности, издавались рукописные альманахи. В редактируемом Д. А. Милютининым альманахе «Улей» впервые были помещены некоторые из

произведений М. Ю. Лермонтова (ушедшего из пансиона годом ранее Д. А.)²⁰. Н. А. Милютину также были свойственны «пробы пера» в различных литературных жанрах. В его архиве сохранились детские литературные опусы: драма, басни, переводы, отрывки из романа²¹. Со многими своими преподавателями пансионеры сохраняли дружеские отношения и после выхода из пансиона.

Составной частью внешкольного образовательного процесса в пансионе являлись самостоятельные театральные представления, в которых активное участие принимал Н. А. Милютин – «страстный любитель театра»²². Однако для Н. А. Милютина его разносторонние увлечения закончились крайне неудачно: он был оставлен в пансионе на второй год. Тогда, как его брат Дмитрий окончил в 1829 г. Благородный пансион с серебряной медалью и чином X класса, а в 1836 г. с малой серебряной медалью закончил практическое отделение Императорской военной академии²³. Казалось бы, судьба Николая Алексеевича Милютина была предрешена. Он мог бы остаться талантливым дилетантом (братом военного министра и соучеником М. Ю. Лермонтова). Но в процессе становления Н. А. Милютина как личности огромную роль сыграло самообразование. «Я все больше и больше убеждаюсь, как мало знаний я получил и как много мне еще надо выучить (курсовой мой.– Е. М.). Я так горю желанием узнать еще больше, что я практически бросаюсь на изучение всех новых предметов, которые попадают в круг моего внимания»²⁴.

В жизни Ю. Ф. Самарина, поступившего в Московский университет, высшее образование сыграло огромную роль. Среди профессоров Московского университета Самарин особо выделял лекции М. П. Погодина, которые «наводили на совершенно новое воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще. Формулы западные к нам не применяются, в русской жизни есть какие-то особенные, чуждые другим народам, начала»²⁵. Университет дал Самарину и новые связи с литературными кругами. Профессора университета и студенты, прежде всего Аксаков, ввели его в культурную жизнь древней столицы. Особое влияние на Юрия Федоровича оказало общение с П. А. Чаадаевым и его окружением.

Одним из важных этапов формирования поколения молодых реформаторов являлась их ранняя служебная карьера, позволившая воочию познакомиться с «многосложной» бюрократической машиной николаевского царствования. Д. А. Милютин, после окончания Военной академии, в двадцатилетнем возрасте был причислен к Генеральному штабу, а в 31 год стал профессором Военной академии по кафедре военной географии (позже – военной статистики).

Служебная карьера П. А. Валуева началась в 16 лет, когда он поступил на службу в канцелярию московского военного генерал-губернатора,

с 1836 г. состоял под началом М. М. Сперанского. Успешно продвигаясь по карьерной лестнице, уже в 39 лет П. А. Валуев стал курляндским губернатором.

Н. А. Милютин в 17-летнем возрасте уехал в Петербург, поступил на службу в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. С этого времени и началось знакомство Н. А. Милютина с особенностями канцелярской работы мелкого «клерка». Он достаточно быстро продвигался по служебной лестнице, проявляя свои способности даже в том, что он называл «канцелярской хрией». В написанных им рутинных канцелярских бумагах проявлялись ясность ума и виртуозность изложения, чем обратил на себя внимание тогдашнего министра внутренних дел гр. А. С. Строганова²⁶.

Ю. Ф. Самарин в 25 лет после защиты магистерской диссертации в Московском университете отправился в Петербург, служить в Министерство юстиции, под начало В. Н. Панина, в 1845 г. стал секретарем в канцелярии Правительствующего Сената, в 1847 г. перешел на службу в Министерство внутренних дел. Рутинная бюрократическая работа произвела на молодого Самарина удручающее впечатление. В письме к брату он писал: «сперва меня бесили беспрестанные повторения, дикое правописание и вычурный слог; я принимался исправлять ошибки и слог; но после бросил это дело как ненужное. ... Теперь начинаю свykаться с канцелярскими формами. ... Могу обходиться без знаков препинания, и сочинять периоды в три страницы, нанизывая причастия и деепричастные обороты и не употребляя глаголов»²⁷.

Однако служба в высших структурах власти являла собой процесс приобщения к большой политике, что стало самым значимым для формирования мировоззрения молодых реформаторов. Они интенсивно продолжали заниматься самообразованием. Круг их интересов был крайне широк: они читали произведения западных политиков и исследователей: Л. Штейна, А. де Токвиля, Р. Гнейста, Гизо. И. И. Панаев вспоминал, что на его «субботах» (1841 г.) читались отрывки из многотомной (40 томов) P. Buches et p. Roux «Histoire parlementaire de la revolution francaise». 1834–1838, где приводилось огромное количество материалов эпохи французской революции: отчеты заседаний Национального и Законодательного собраний, Конвента, политических обществ, революционных трибуналов²⁸. Знакомство с вышеуказанными работами давало теоретические возможности сравнить исторические судьбы России и Запада, определить возможности адаптации западного опыта к российским реалиям.

Важное место занимали личные встречи молодых чиновников и выдающихся представителей русской науки. П. Д. Кавелин делал акцент на том, что ведущим способом передачи знаний и социально значимого опыта для «поколения 1840 х гг.» был не рационально-интеллектуальный

способ, а интеллектуально-духовное общение. Например, он уверял, что значение деятельности Т. Н. Грановского раскрывают не книги и статьи, а лекции, беседы и личные отношения²⁹. В переписке Грановского есть сведения о его встречах с Н. А. и Д. А. Милютиными. Грановский впервые познакомился в Н. А. Милютиным в один из своих приездов в Петербург. Знаменитый историк был очарован личностью Николая Алексеевича, отмечая, что это «умный и благородный человек... Я его уважаю и люблю»³⁰.

Ведущее место в формировании мировоззрения «поколения 40-х» играло посещение литературных, философских, политических салонов и кружков этого периода.

Исследователи салонной культуры первой половины XIX в. подчеркивают полифункциональность этой формы интеллектуального общения, отмечая компетентность и профессионализм хозяев салонов³¹.

Общественно-культурный аспект деятельности салонов далеко выходил за пределы собственно литературной сферы³². В знаменитом салоне Свербеевых, далеко известным за пределами Москвы, бывали А. И. Тургенев, П. Я. Чаадаев, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, Ю. Ф. Самарин, Д. А. Оболенский, А. Н. Попов, К. Д. Кавелин, В. П. Боткин, С. М. Соловьев, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, бр. Аксаковы³³.

Братья Милютины в Петербурге посещали вечера у А. А. Краевского, кн. В. Ф. Одоевского, литератора и музыканта³⁴, бр. Жемчужниковых³⁵, бывали в литературном кружке И. И. Панаева³⁶. Посещали кружок Панаева и близкие приятели Н. А. Милютина: А. В. Головнин и Д. А. Оболенский. Братья Милютины были вхожи и в дом А. А. Панаевой-Головачевой (гражданской жены Н. А. Некрасова), которая стремилась окружать себя людьми известными. Мемуаристка отмечает, что Д. А. Милютин «пользовался большим уважением по своему образованию» и «простотой обхождения» в среде литераторов, а главное – «по своим либеральным взглядам». Накануне Крымской войны он «много говорил о необходимости преобразований по всем частям военного ведомства» и предрекал поражение России, ибо «с первых дней военных действий обнаружится страшный недостаток во всем... медицина и интендантство никуда не годны... все прекрасно для парадов и никуда не годно для войны»³⁷.

Тесные связи молодого поколения реформаторов с литературными кругами объясняются тем, что в общественной атмосфере 1840–1850-х гг. литература выделяется в качестве ведущего фактора формирования национального сознания. Эту роль литературы в обществе осознал Н. А. Милютин: «Общество отличается инерцией и люди честные и правдивые должны помогать общественному сознанию и возвышать общественную нравственность». Этому в полной мере может содействовать литература, ибо «она одна может рассеивать

вековые предрассудки», «постоянно напоминать высокие цели», «столь легко забываемые среди мелочей и дрязг повседневной жизни»³⁸.

На бытовом уровне злоязычная А. Панаева по-своему объясняет причины тесных контактов будущих реформаторов с литераторами: «многие общественные деятели искали тогда поддержки в литературе» и даже «заискивали расположения литераторов». «Печатное слово получило вес в обществе: все сознавали, что необходим прогресс во всем», – замечает автор воспоминаний³⁹.

Ключевой фигурой литературной жизни этого периода был Н. В. Гоголь, поэтический мир которого тяготел к обобщениям⁴⁰. Характеристика уездного города в «Ревизоре» становится эквивалентом общерусской, общегосударственной жизни. Но для писателя Россия была не только Россией «мертвых душ». Он пытался прозреть ее будущее, ее исторические пути. Момент осмысления национального исторического пути является важным рубежом всякой культуры. Этот момент означает зрелость цивилизации, ее национальную самоидентификацию⁴¹. А. Панаева вспоминает, что после похорон Гоголя у И. И. Панаева собрались гости, в числе которых были Н. А. Милютин и И. П. Арапетов. Н. А. Милютин между прочим рассказал, что отпустил со службы «одного пожилого чиновника, который отпросился съездить на похороны, говоря, что хотя при жизни он не увидел такого замечательного писателя, то хоть на мертвого посмотрю»⁴².

Исследователи отмечают в качестве особенностей духовной жизни второй половины 1830–1840-х гг. полемику и спор как основные формы общения: «Спор в конце 30-х и, главным образом, 40-х годах был единственной живой формой общественной мысли, который вводится в систему интеллектуальной жизни», – отмечает Э. Герштейн⁴³.

Безусловно, эта форма интеллектуальной жизни была характерна для кружков, в которых продолжала формироваться новая политическая культура. Б. Линкольн, исследуя состав кружка братьев Милютиных на протяжении 1840-х гг., подчеркивал, что он состоял из небольшой группы лиц, связанных тесными дружескими отношениями. В нем принимали участие: И. П. Арапетов⁴⁴, И. В. Вернадский⁴⁵; известный юрист-правовед, П. Г. Редкин, создавший, по словам Ю. Ф. Самарина, настоящую «энциклопедию права»; статистик К. С. Веселовский⁴⁶; К. Д. Кавелин⁴⁷, К. К. Грот⁴⁸, Б. Н. Чичерин, В. П. Боткин⁴⁹. Автор исследования пишет, что на вечерних собраниях этого кружка нередко критиковались злоупотребления администрации и высказывались мнения о необходимости реформ. Члены кружка верили в упорядоченные эволюционные изменения в рамках самодержавия и получили название «петербургской партии прогресса»⁵⁰.

Для этого поколения просвещенной бюрократии были характерны попытки с ранней юности

осмыслить пути России и ее место в европейской цивилизации. В частности, П. А. Валуев был членом знаменитого «кружка шестнадцати», возникшего в 1839 году⁵¹. Чаще всего споры в нем велись на отвлеченные философско-религиозные темы. Об этом можно узнать из письма П. Вяземского, который говорил «об ученых, богословских, нравственных, светских прениях». Это подтверждается и воспоминаниями одного из членов кружка. «Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, – писал К. Браницкий, – собрались то у одного, то у другого... Там, после скромного ужина, куря свои сигары, рассказывали о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто III Отделения... вовсе и не существовало». Он называет этот кружок «свободным и веселым»⁵². В подобных спорах и разговорах, в «дружеских признаниях», считал с юношеским максимализмом один из лидеров кружка И. С. Гагарин, католик, иезуит, разрешались «великие проблемы науки, порождались произведения искусства, откровения человеческого разума... Вопросы, обсуждавшиеся нами, велики»⁵³.

Но более всего их интересовал вопрос о судьбах России, поставленный в начале 1830-х гг. П. Я. Чаадаевым. Э. Г. Герштейн, сопоставив записку Валуева, предназначенную для И. С. Гагарина, «Мысли о национальности»⁵⁴ с лермонтовскими идеями в поэме «Сашка»⁵⁵, пришла к мысли, что «искание собственного исторического пути, сравнение западноевропейской цивилизации с русской» – такова была одна линия тем, обсуждавшихся в «кружке шестнадцати»⁵⁶.

П. А. Валуев высказывает свои мысли по поводу понятия «национальность», утверждая, что неверно понимать ее как «внешнюю политическую форму», ограниченную рубежами, «установленными правительством»; как «костюм», «маску», «под которой народ появляется в политическом мире». Здесь можно увидеть полемический заостренный ответ на идеи П. Я. Чаадаева и взгляды И. С. Гагарина по поводу России и европейской цивилизации. П. А. Валуев обращается к тому, что сейчас называется термином «менталитет», утверждая, что фундамент нации – это «внутренняя жизнь, нравы, история нации», ее «национальный дух» и «национальные обычаи»⁵⁷.

Но «кружок шестнадцати» не был замкнутой нелегальной оппозиционной организацией «неодекабристского» толка, как ее характеризовал Эйхенбаум. Ю. Ф. Самарин встречался с представителями кружка в тот период, когда он находился в процессе идейных исканий и не был еще вполне определившимся славянофилом. В своем письме к вышеупомянутому Гагарину он, рассуждая о вопросах веры, подчеркивает, как мало о религии знают его идейные соратники: Хомяков и другие⁵⁸.

Герштейн считает, что именно спор, становясь важной формой общественной мысли, через 3–4 года способствовал оформлению двух основ-

ных течений общественной мысли – западников и славянофилов⁵⁹.

Важнейшим этапом формирования либеральной бюрократии нового поколения являлась практическая деятельность, ибо они знали о недостатках центрального и местного управления не понаслышке. Начальный этап их деятельности связан со статистическим исследованием городов России, хозяйство которых находилось в кризисном состоянии. По решению Комитета министров при Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел было учреждено Временное отделение об устройстве в государстве городского хозяйства сроком на 4 года под руководством Н. А. Милютина⁶⁰. Главная задача этого учреждения – статистические исследования городского хозяйства с целью получения практических сведений для предстоящих преобразований.

В 1840-х гг. статистические исследования проводились по одному плану в разных губерниях. В результате работы Временного отделения было проведено описание городского хозяйства 130 городов, не только губернских, но и уездных⁶¹. Тщательный анализ документации «многосложного городского хозяйства» вскрыл многочисленные случаи незаконного захвата городских земель и их неправильного использования; факты незаконных поборов; бесконтрольных расходов «городских сумм» и множество «упущений по счетоводству». Особое внимание уделялось ревизии двух столиц, а также – Риги и Одессы, ибо доходы этих городов составляли половину доходов всего городского хозяйства Российской империи. По подсчетам Н. А. Милютина, городские доходы составляли около 7 млн рублей при существовании ежегодного дефицита⁶². Так, в городском управлении С.-Петербурга, представлявшего собой «образец злоупотреблений и беспорядков» (по мнению гр. Шереметева, ревизовавшего столицу), ежегодный дефицит составлял свыше 200 тыс. рублей. В Москве скопилось свыше 600 смет, «требующих самой строгой проверки»; дефицит здесь составлял до полумиллиона ежегодно⁶³.

Итоги ревизии привели Н. А. Милютина к важным выводам: необходимы не «частичные улучшения», а коренная реформа «самого общественного управления»⁶⁴. По результатам статистических экспедиций были не только изданы обширные статистические труды по общественному устройству и хозяйству городов, но и проведена городская реформа в С.-Петербурге (1846 г.), основанная на принципах всесословности и имущественного ценза. Эта реформа была высоко оценена современниками и послужила своего рода моделью будущих проектов Н. А. Милютина в сфере местного управления. Но в глазах представителей консервативной бюрократии милютинская реформа представляла собой угрозу существующему режиму, о чем свидетельствует жалоба генерал-губернатора Петербурга в Комитет министров⁶⁵.

Ю. Ф. Самарин принимал участие в обследовании Остзейского края (1846–1848 гг.). Эта работа для Самарина имела два важных последствия. Его «Письма из Риги» содержали резкую критику правительственной политики в Прибалтике. Он читал их в Москве в салоне Свербеевых, в Петербурге у Д. Оболенского, они были переданы П. Д. Киселеву, Н. А. Милютину и министру внутренних дел Перовскому. Письма вызвали резкое возмущение у остзейского генерал-губернатора А. С. Суворова. За их распространение всему либеральному крылу чиновничества Самарин был заключен на 19 дней в Петропавловскую крепость. Ю. Нольде считает, что именно в период его «балтийской школы» Самарин начинает обдумывать законодательные условия освобождения русских крестьян⁶⁶. Думается, что автор одномерно подходит к этой проблеме. Известны письма Ю. Самарина к Н. Милютину из-за границы, где он просил обратить особое внимание на общину, говорил о необходимости изучения «иностранных законодательств», особенно «с точки зрения чужих ошибок, чтобы их не повторять у себя»⁶⁷.

Опыт подготовки реформы городского общественного управления имел и П. А. Валуев. Его работа была связана с преобразованиями общественного управления в Риге. Эти сведения сохранились в протоколах заседаний Остзейского комитета (1849–1850 гг.)⁶⁸.

Необходимость введения нового городского положения диктовалась теми же причинами, что и в городах России – «несоответствие между городскими доходами и расходами». Но была еще одна, которая беспокоила русское правительство – положение русского населения в Риге. «Нельзя допустить, – указывалось в письме генерал-губернатора А. С. Суворова на имя П. А. Валуева, – чтобы различия в происхождении могли стать основанием в правах и преимуществах». Цель правительства состоит в том, чтобы жители «русского происхождения были уравнены во всем с прочими жителями г. Риги». Главный фактор в пользу переустройства городского управления заключался в том, чтобы появилось «значительное число городских обывателей, признанных во всей империи городскими сословиями, которые не имеют прав представительства в городском управлении, и поэтому они не несут городских податей и повинностей»⁶⁹.

Особую тревогу правительства вызывало устройство Рижского магистрата, который соединял в себе не только судебную и административную власть, но и представлял интересы определенных сословий. Министерство внутренних дел и Министерство государственных имуществ заявляли, что подобное положение противоречит общему городскому устройству империи по манифесту 1801 г. как одному из непреложных законов государства. В рамках Российской империи «магистрат представляет собой совершенно другое начало и требует необходимого преобра-

зования», которое следовало начать с изменений «феодалных уставов и обычаев, неправильно именуемых (так в цитате. – Е. М.) привилегиями остзейскими правами», ограничить власть магистрата, «неправильно распоряжающимся своей собственностью»⁷⁰.

Близкое знакомство с состоянием местного управления, его вопиющие недостатки привели к появлению знаменитой валуевской записки «Думы русского во второй половине 1855 года»⁷¹.

Формирование нового поколения либеральной бюрократии не ограничивалось лишь указанными способами. Мощным импульсом становления реформаторских сил стало их активное участие в Императорском Русском Географическом Обществе – лаборатории статистических исследований, посещение двух великокняжеских салонов: Елены Павловны и Константина Николаевича, совместная работа в министерствах, вокруг которых начали создаваться «профессиональные группы», характеризовавшиеся наличием определенных целей, стремлением проводить свою политическую линию, существованием особого самосознания, преданностью своему департаменту⁷².

Формирование мировоззрения молодого поколения либеральной бюрократии шло непростыми путями: гуманистические семейные традиции продолжали воспитываться и в образовательных учреждениях. Особую роль в этом процессе играло самообразование, проходившее в различных кружках и салонах; знакомство с новыми литературными, историческими, политическими произведениями отечественных и зарубежных авторов, способствовало осмыслению российской действительности и ставило проблемы возможной адаптации западного опыта в условиях России. Раннее знакомство со сферами большой политики, участие в подготовке законопроектов и их реализации в 1840-е гг. дали неоценимый опыт, который будет использован молодыми реформаторами в эпоху подготовки и проведения Великих реформ.

Примечания

- ¹ См.: Кочукова О. В. «Поколение 1840-х годов» в мемуарных очерках К. Д. Кавелина // Историческая память и общество : Эпохи, культуры, люди : материалы науч. конф., посвящ. 90-летию исторического образования в Саратовском университете / под ред. А. Н. Галамичева. Саратов, 2008. С. 53–58.
- ² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 647. Оп. 1. Д. 50. Л. 56.
- ³ См.: *Eklöf D.* Introduction // *Russia's Great Reforms, 1855–1881.* Indianapolis, 1994 ; *Field D.* The End of Serfdom : Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge (Mass.), 1976 ; *Lincoln B. W.* The Great Reforms. Autocracy, Bureaucracy and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb, 1990 ; *Idem.* Nikolai Miliutin : An Enlightened Russian Bureaucrat of the 19th Century. Newtonville, 1977.

- ⁴ См.: *Медушевский А.* Бюрократия и Великие реформы в России (1860–1870-е гг.). Современная англо-американская историография : Научно-аналитический обзор. М., 1996. С. 47 ; *Его же.* Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно исторической перспективе : Научно-аналитический обзор. М., 1990. С. 15. В последние годы проблема, связанная с просвещенной (либеральной) бюрократией, стала предметом изучения отечественных историков. Напр. см.: *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века : М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006 ; *Ружницкая И. В.* Просвещенная бюрократия 1800–1860-х гг. М., 2009. Автор рассматривает вопрос о просвещенной бюрократии николаевского царствования на примере трех высших сановников Российской империи : Д. А. Блудова, П. Д. Киселева, М. А. Корфа.
- ⁵ См.: *Березовая Л. Г., Берлякова Н. П.* Введение в историю русской культуры. М., 2002. С. 117.
- ⁶ См.: *Проскуракова Н. А.* Власть и реформы в России в XIX веке в контексте модернизационного подхода. URL: //http://www.politstudies.ru/fulltext/2011/5/10.pdf (дата обращения: 01.05.2017).
- ⁷ См.: *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 гг.) в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведывавшего делами Редакционных Комиссий : в 3 т. Пг., 1915. Т. 3. С. 10–11.
- ⁸ См.: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д. А. Милютин, 1816–1843 / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1997. С. 65.
- ⁹ См.: *Lincoln B. Nikolai Miliutin...* P. 3.
- ¹⁰ Воспоминания генерал-фельдмаршала... С. 71.
- ¹¹ См.: *Leroy-Beaulieu A.* Un home d'etat russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inedite. Etude la Russe et la Pologne pedant le regne d'Alexandre II (1855–1872). P., 1884. P. 8.
- ¹² Род Милютиных получил потомственное дворянство при императрице Анне Иоанновне.
- ¹³ См.: *Назарова Т. А.* Общественно-политические взгляды Ю. Ф. Самарина. М., 1998.
- ¹⁴ Цит. по: *Нольде Б.* Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 14.
- ¹⁵ *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания // Вестник Европы. 1890. Кн. 12. С. 519.
- ¹⁶ См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 118–119.
- ¹⁷ Московский благородный пансион располагался на Тверской (здание не сохранилось ; на его месте сейчас находится Центральный телеграф). До 1830 г. он имел права высшего учебного заведения, но Николай I, будучи разгневан тем приемом, который был ему оказан в этом учебном заведении, сделал его гимназией (29 марта 1830 г. Высочайшим указом Правительствующего Сената). Подробнее см.: *Миклашевский А. М.* Михаил Юрьевич Лермонтов в заметках его товарища // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 110.
- ¹⁸ См.: *Милютин Д. А.* Из воспоминаний // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях... С. 76.
- ¹⁹ «Мой дом везде, где есть небесный свод...». М. Ю. Лермонтов и Тамбов / отв. ред. Г. Б. Буянова, Н. Л. Потанина. Тамбов, 2014. С. 6.
- ²⁰ См.: *Миклашевский А. М.* Указ. соч. С. 109–110 ; *Межевич В. С.* Из статьи о стихотворениях Лермонтова // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях... С. 80 ; Русский библиофил. 1913. № 8. С. 32–33.
- ²¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 65. Л. 39–52, 56–57.
- ²² Подробнее см.: *Морозова Е. Н.* Н. А. Милютин в воспоминаниях и эпистолярном наследии его жены, М. А. Милютиной // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 26–27.
- ²³ См.: *Шилов Д. Н.* Указ. соч. С. 464.
- ²⁴ Воспоминания генерал-фельдмаршала. С. 141.
- ²⁵ *Нольде Б.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁶ *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Указ. соч. С. 11.
- ²⁷ Цит. по: *Нольде Б.* Указ. соч. С. 40.
- ²⁸ См.: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 244, 414.
- ²⁹ См.: *Кочукова О. В.* Указ. соч. С. 52.
- ³⁰ В 1850 г. по приезде Т. Н. Грановского в Петербург Н. А. и Д. А. Милютины специально явились для встречи с ним. См.: *Якушкин В. Н.* А. Милютин и Редакционные комиссии // Русская старина. 1897. Т. 92, кн. 6. С. 142, 157.
- ³¹ См.: *Палий Е. Н.* Салон как феномен культуры России XIX века : традиции и современность : автореф. дисс. ... д-ра культурологии. М., 2008. 78 с. ; *Канторович И. В.* Московские литературные салоны 2-ой четверти XIX века в общественно-культурной жизни России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 26 с.
- ³² См.: *Канторович И. В.* Указ. соч. С. 2.
- ³³ Там же. С. 9.
- ³⁴ В. Ф. Одоевский имел свой литературно-художественный салон. Здесь обсуждались и общественно-политические вопросы. По свидетельству К. Д. Кавелина, именно здесь В. Г. Белинский произнес свою знаменитую фразу : «Наши порядки исправит мать святая гильотина». См.: *Кавелин К. Д.* Воспоминания : в 4 т. М., 1899. Т. 3. С. 197.
- ³⁵ Братья Жемчужниковы, А. К. Толстой были создателями знаменитой литературной маски «Козьма Прутков».
- ³⁶ См.: *Панаев И. И.* Указ. соч. С. 285.
- ³⁷ *Панаева А. Я.* Воспоминания. М., 1972. С. 221–223.
- ³⁸ Русская старина. 1880. Т. 27, кн. 2 (февраль). С. 389.
- ³⁹ *Панаева А. Я.* Указ. соч. С. 200, 265.
- ⁴⁰ См.: *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. М., 1978. С. 192–203.
- ⁴¹ См.: *Березовая Л. Г., Берлякова Н. П.* Указ. соч. С. 255.
- ⁴² Головнин, давно знакомый с Панаевым, присылал ему приглашенные записки на свои вечера. См.: *Панаева А. Я.* Указ. соч. С. 200, 265.
- ⁴³ *Герштейн Э.* Лермонтов и кружок шестнадцати // Жизнь и творчество Лермонтова. М., 1941. С. 101. Эта же мысль повторяется и в современных исследованиях. См.: *Цимбаев Н. И.* Московские споры либерального времени // Русское общество 1830-х годов XIX в. М., 1991. С. 5–43. Poleмический характер

- общения как атмосферу бытия и роль устных споров в развитии славянофильства отмечал В. А. Копелев. См.: *Копелев В. А.* Общественно-политическая борьба в России 40-х гг. XIX в. Вологда, 1982.
- 44 И. П. Арапетов (1811–1887?), близкий друг братьев Милютиных, чиновник II отделения Е. И. В. канцелярии. По свидетельству современников, И. П. Арапетов, «человек высококультурный», «блестящего ума, живой и остроумный, обладающий тонким эстетическим чутьем, он попал рано в среду литераторов и стал другом Боткина, Панаева, Дружинина, Кавелина». В молодости известен как активный участник так называемой «маловской истории» в Московском университете. См.: *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Указ. соч. С. 10.
- 45 Вернадский И. В. (1821–1884). Профессор Московского университета по кафедре политэкономии и статистики.
- 46 Веселовский К. С. (1819–1901). Экономист, статистик, непреременный секретарь Академии наук (1857–1890).
- 47 К. Д. Кавелин был связан «тесной и неизменной дружбой» и с Н. А. Милютиным и со старейшим его другом Заблоцким-Десятовским. См.: *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Указ. соч. С. 15, 25–26.
- 48 Грот К. К. (1815–1897). Директор Департамента неокладных сборов Министерства финансов; инициатор упразднения откупов и введения акцизной системы.
- 49 С В. П. Боткиным в 1846 г. Н. А. Милютин путешествовал по Испании. См.: *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Указ. соч. С. 11.
- 50 *Lincoln B. Nikolai Miliutin...* P. 22–23.
- 51 «Кружок шестнадцати» состоял, по свидетельству К. Браницкого, из университетской молодежи и частью из кавказских офицеров. См.: *Браницкий К.* Из предисловия к книге «Славянские нации» // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 248–249. Предисловие Браницкого было написано в форме открытого письма в 1843 г. И. С. Гагарину, вступившему в орден иезуитов. Примечания // Лермонтов в воспоминаниях... С. 478.
- 52 *Браницкий К. С.* Указ. соч. С. 478.
- 53 Там же.
- 54 Записка эта, написанная на французском языке и переведенная Э. Герштейн, имела эпиграфом перефразированное: «Amicus Gagarinus, magis amica veritas». См.: *Герштейн Э.* Лермонтов и «кружок шестнадцати». С. 99–101.
- 55 Строфы поэмы Лермонтова «Сашка» о достоинстве России можно рассматривать как ответ П. Я. Чаадаеву: «Или, трудясь как глупая овца, / В рядах дворянства, с рабским униженьем... / И поклоняться немцам до конца / Так чем же немец лучше славянина?!... Он не рожден под нашим небом; наша степь святая / В его глазах бездушных – степь простая...». См.: *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 507.
- 56 *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М., 1964. С. 386–379.
- 57 *Герштейн Э.* Лермонтов и «кружок шестнадцати». С. 101.
- 58 Там же.
- 59 Там же. С. 110.
- 60 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 258. Л. 1, 38, 45, 72. До учреждения Временного отделения существовала Комиссия при Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, закрытая в 1842 г.
- 61 Результаты описаний составили 8 томов. Так, в Нижегородской губернии были проведены исследования в 7 уездных городах. См.: РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 263. Л. 1–3.
- 62 Там же. Д. 258. Л. 35, 54.
- 63 Там же. Д. 355. Л. 16.
- 64 Там же. Д. 258. Л. 34.
- 65 Там же. Д. 355.
- 66 См.: *Нольде Б.* Указ. соч. С. 45–57. О сложном пути формирования взглядов Ю. Ф. Самарина на вопросы отмены крепостного права см.: *Самарин Ю. Ф.* О крепостном состоянии и переходе из него к гражданской свободе // Самарин Ю. Ф. Сочинения: в 12 т. М., 1877–1911. Т. 2. М., 1878. С. 17–20.
- 67 РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 175. Л. 4–5.
- 68 П. А. Валуева с Остзейским краем связывала более чем десятилетняя служба. В июле 1849 г. коллежский советник П. А. Валуев получил письмо от генерал-губернатора кн. А. С. Суворова, который сообщал, что по высочайшему повелению для начертания проекта будущего устройства городского управления и общины в г. Риге должен быть создан комитет в составе 2 коронных чиновников, 2 чиновников по назначению от МВД и 7 человек от городского сословия г. Риги во главе с лифляндским вице-губернатором фон Кубе. См.: РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 175. Л. 1.
- 69 Там же. Л. 4–5.
- 70 Там же. Д. 258. Л. 50–51.
- 71 См.: *Валуев П. А.* Дума русского // Русская старина. 1893. Кн. 9. С. 508–514. Вполне возможно, что ее название является реминисценцией лермонтовской «Думы». Явно, что П. А. Валуев был знаком с этим произведением, будучи участником кружка «шестнадцати».
- 72 См.: *Рибер А.* Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 45.

Образец для цитирования:

Морозова Е. Н. Пути формирования нового поколения либеральной бюрократии (конец 1830-х – 1840-е годы) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 433–440. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-433-440.

Cite this article as:

Morozova E. N. Ways of Formation of a new Generation of Liberal Bureaucracy (the Late 1830s–the 1840s). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 433–440 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-433-440.